

Геннадий Берестнев, Марина Евстафьева
(Калининград)

МУЖЧИНА ГЛАЗАМИ МУЖЧИНЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ШАНСОНЕ*

Воссоздается гендерный портрет мужчины, как он представлен в современном русском «мужском» шансоне. Определяются две разновидности такого портрета: «лирическая», реконструируемая на основе самораскрытия автора-исполнителя, и «объективная» – складывающаяся при взгляде автора-исполнителя на мужчину как на «другого». Мужчина в этих обстоятельствах предстает как философ, стремящийся осмыслить жизнь и свое место в ней.

Ключевые слова: русский шансон, гендер, концепт, языковая реконструкция, семантика, текст, лингвокультурология.

Продолжая начатую ранее тему гендерных представлений о женщине, закрепленных в современном русском шансоне [1; 2], обратимся к рассмотрению аналогичных представлений о мужчине. Выбранная при этом точка зрения определяется тем, как мужчина сам раскрывает себя в текстах песен.

Данная проблемная область может быть исследована в двух видах языковых построений, различающихся в плане субъектно-объектной отнесенности. С одной стороны, это исповедальные выска-

© Берестнев Г., Евстафьева М., 2014

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант № 13-04-00032 «"Мужское" и "женское" в текстах культуры: русская и английская лингвокультурные традиции в сопоставительном аспекте».

звания мужчины о себе, о своих переживаниях, проблемах, взглядах на жизнь и т. д. В случаях такого рода мужчина может и косвенно заявлять о себе, о том, каков он. Принцип рефлексивности при этом реализуется самым непосредственным образом — в самораскрытии автора песни. С другой — гендерная специфика мужского образа раскрывается в объективных высказываниях автора, касающихся мужчин вообще — их внешнего вида, образа жизни, ценностей, проблем и т. д. В этом случае значимы и высказывания, объясняющие отношение к мужчине со стороны окружающих. Автор как бы говорит: все мужчины таковы, соответственно, таков и я. Принцип рефлексии в случаях подобного рода определяется общей спецификой авторской позиции — «мужской» точкой зрения на мужчин, в том числе и на себя самого.

Что касается исповедальной, лирической стороны «мужского» шансона, то здесь вырисовывается достаточно разносторонний портрет мужчины, имеющий прежде всего психологическую ориентированность. При этом если в шансоне мужчина поет о себе, то это его душевные переживания и судьба (обычно очень непростая). Другие, специальные темы, такие как досуг, спорт или здоровье, в шансоне практически не затрагиваются, а политическая тематика оказывается вообще вне интереса лирического героя-мужчины. В силу всего этого он предстает как особый философ жизни, который стремится найти глубинные механизмы бытия, понимание и «пропевание» которых либо обеспечат, наконец, долгожданное счастье, либо психоаналитически снимут синдром страдания.

В целом в «мужском» шансоне определяются несколько идейных особенностей, раскрывающих портрет лирического героя-мужчины. Первая и наиболее яркая — психологизм, глубокий самоанализ лирического героя, связанный со стремлением понять собственное психологическое состояние. По сути, таким путем мужчина пытается понять самого себя и свое бытие в мире. В таком «психологическом» шансоне выделяется ряд следующих идейных характеристик.

Осознание проблемности и несостоятельности жизни. Хотя в жизни лирический герой-мужчина признает и хорошие стороны, ее проблемность оказываются для него более значимой и психологически действенной. Причин этого несколько: и ценностные иллюзии мужчины, и экзистенциальное одиночество, и общая рассогласованность с миром. Единственное, что дает ему силы в этих условиях — вера в лучшее, надежда, что жизнь когда-нибудь будет к нему более благосклонна. Ср.:

Всполыхнут небеса и навеют мне мысли из прошлого,
Вдруг глаза заблестят, и чуть слышно заплачет душа —
Было много всего: и плохого, но больше хорошего,
Находил — не ценил, а терял — так терял навсегда.
Евгений Росс. Ностальгия

* * *

Я давно живу без спроса, я давно живу без срока,
Я давно живу, сроднившись с тишиной.
И бывает одиноко, и любовь порой жестока,
Но я верю, будет праздник неземной.

<...>

Но я верю, день настанет, мы родней друг другу станем,
Ведь в прощенье наша сила и любовь.
Значит, быть нам в судьбах вместе, значит петь нам эти песни,
Значит, в этот раз поможет всем нам Бог.

Евгений Кемеровский. Помолюсь за всех

* * *

Вроде просто быть счастливым, да не получается,
Развинтилось что куда — и в кучу не собрать...

Дмитрий Даль. Одинокий мужчина

Отдельной причиной проблемной взаимосвязи лирического героя-мужчины с жизнью в русском шансоне является тонкость его психической организации, душевная ранимость. Этими качествами, собственно, и обусловлены сложные, негармоничные отношения его с окружающими. Страдания от взаимоотношений с окружающими составляют причину их отторжения лирическим героем. В случаях такого рода он может либо объяснять причины такого страдания, либо как-то смягчать его внешние причины. По сути, и в том и другом случае лирический герой вступает в своеобразный диалог с окружающими. Ср.:

Устала душа моя злиться.
Ей трудно смотреть в эти лица.

<...>

Устала душа моя плакать.
Зачем же опять ее — в слякоть?
Зачем же опять ее — в осень?
Ну кто же, скажите, вас просит?

В. Курас. Душа

* * *

Я давно живу, как птица, весь в легендах-небылицах,
Я давно живу, как ангел за двоих.
Я летаю в птичьей стае — там, где правды не хватает,
И злодеев принимают за святых.

Евгений Кемеровский. Помолюсь за всех

* * *

Хмарь такая на душе, хоть петлю на шею.
Хорошо, что я вообще плакать не умею.

Иван Кучин. Судьба-злодейка

В первом примере область взаимоотношений лирического героя с миром определяется абстрактным отчужденным от него «вы» — это все те, с кем он входит во взаимодействие и кто оказывает на его личность негативное влияние. Во втором примере это «вы» подвергается еще большему дистанцированию от лирического «Я» и преобразуется в негативное «они». При этом важную роль играет прагматика слова *стая*. В тексте песни она характеризуется как *птичья*, но ближайший контекст резко снижает ее оценочную характеристику и рождает ассоциацию с *волчьей стаей* и — в еще более отдаленном плане — с жизненной установкой «человек человеку волк», которая чужда лирическому герою-мужчине и составляет одну из причин страдания его души. Она, собственно, и есть одна из причин его душевной усталости, переходящей в ее страдание.

В рамках отмеченной идейной тенденции исключительными выступают признания лирического героя-мужчины в позитивном взаимодействии с жизнью и окружающими, в переживаемом им счастье бытия. Эту исключительность лирический герой осознает и сам, в связи с чем заявляет о собственной «инаковости», ненормальности по отношению к другим людям. Однако в этом проявляется его жизненный оптимизм: он определяется верой и в большую ценность подобной жизненной позиции, и в то, что где-то есть другие такие же оптимисты. Ср.:

Пусть говорят, будто счастлив только глупец,
Что лишь в беде да напасти божий венец,
И лишь в осеннем ненастье видит отраду мудрец.
Выходит, я — безнадежный, круглый дурак,
Поскольку счастлив безбожно и просто так,
Живу цветком придорожным небу бескрайнему в такт.

Я привык улыбаться людям, как знакомым своим.
Счастье — это как торт на блюде, одному не справиться с ним.
Я привык улыбаться людям, и, быть может, вполне,
В час, когда я несчастлив буду, кто-то улыбнется мне.
Сергей Трофимов. Я привык улыбаться людям

Неверно выстроенные взаимоотношения с жизнью и личная ответственность. Испытывая на себе деструктивное воздействие жизни, признавая негармоничность и агрессивность прежде всего сложившихся в ней социальных отношений и психологических связей, лирический герой-мужчина в современном русском шансоне не снимает и с себя ответственности за все это. Важная идейная установка в этих условиях — признание лирическим героем неверности выстроенных взаимоотношений с жизнью.

Подводя предварительный итог своей жизни, лирический герой, с одной стороны, признается в том, что недостаточно активно влиял на ее обстоятельства — «жил кое-как». В этом он видит причину и многих жизненных неурядиц, и собственной неудовлетворенности. Ср.:

Может, я останусь,
Может, встречу старость,
Если перестану
Жить кое-как.
С. Трофимов. Я уже устал

* * *

Десять заповедей — всех
Не исполнил я,
Жил, как приходилось жить,
Значит, грешен я!..
Евгений Росс. Грешник

* * *

Розы белые цветут, красные завяли,
То ли я пропил мечту, толь ее украли.
Распахните же окно, дайте больше свету!
Ай, не надо, все равно счастья в жизни нету.
Иван Кучин. Судьба-злодейка

С другой стороны, лирический герой-мужчина в современном русском шансоне приходит к мысли, что жизнь — это стихия, которая не зависит ни от усилий, ни от воли человека. В этом плане она рассмат-

ривается как некое тождество судьбы, и единственным способом противостояния ей указывается свобода от притязаний, от желания счастья — от всяких желаний. В крайнем случае, у лирического героя обнаруживается нечто, спасающее его от жизненных неурядиц и выступающее своеобразным эквивалентом счастья. Тем не менее в целом жизнь открывается лирическому герою как тяжкое бремя, которое несовместимо с чувством счастья и от которого невозможно избавиться. Ср.:

Не проси у судьбы ничего,
Не проси — не поможет — сдержись,
Не старайся гадать, кто кого,
Это всё не от нас — это жизнь

Евгений Росс. Журавли

<...>

Ну а если и что-то не так,
Все обиды, заботы и боль
Обрати в неприметный пустяк,
Посмотри — журавли над тобой.
Евгений Росс. Журавли

* * *

И пусть стучит судьба да прямо в темечко,
Но всегда со мной телогреечка.
Е. Росс. Телогреечка

* * *

Мне нести свой крест сотни тысяч верст
И для всех окрест петь про жизнь всерьез...
Евгений Кемеровский. Помолюсь за всех

Однако и в этих обстоятельствах лирический герой находит несколько выходов или неких их подобий. Во-первых, он субъективно обесценивает жизнь и начинает относиться к ней соответствующим образом — как к чему-то пустому и незначительному. Лирический герой-мужчина может говорить о своей жизни пренебрежительно, тем самым выводя себя из-под ее разрушительного влияния. Ср.:

Ох, судьба-злодейка, ну-ка обернись.
Жизнь моя — копейка, черт с тобой, катись!
Иван Кучин. Судьба-злодейка

Во-вторых, лирический герой собирает силы для внутреннего сопротивления разрушающему его бытию абстрактному «третьему лицу» и хотя бы психологического или даже посмертного противостоит ему. То, что в конфликте принято называть «последним словом», лирический герой-мужчина в русском шансоне стремится оставить за собой. Ср.:

Пусть гвоздят меня к столбу, гонят дальше краю —
Я на нервах и в гробу им еще сыграю!

Иван Кучин. Судьба-злодейка

У лирического героя-мужчины в современном русском шансоне обнаруживается и еще один способ личного противостояния разрушительному влиянию негативных жизненных обстоятельств. Это спокойное и даже доброжелательное их признание и введение в личную жизнь, позволяющее сохранить в относительной целостности главное — душу. Механизм этого процесса составляет постановка проблем жизни в объектную позицию и последующее введение в личное пространство лирического героя как чего-то неизбежного и потому приемлемого. Так, в следующем примере метафорическим (а по сути — даже символическим) образом трудной жизни выступает *осень*, основным признаком которой контекстуально выводится такой же метафорический «холод». Принятие ее лирическим героем проявляется и в коммуникативной близости, и в общем тоне повествования, и в прямой характеристике «хорошая», и в благотворном влиянии на поэтический процесс (*И превращается в стихи проза...*). Ср.:

Уж сколько песен про тебя спето,
А ты опять спешишь в мое лето.
И я укутываюсь шарф теплый,
И у камина пью глинтвейн.
Привычным жестом желтый плащ бросив,
Неслышно в дверь ко мне войдет осень.
И тихо сядет рядом и просит:
«Ну, что грустишь? И мне належь»
И будет долгим вечер наш странный,
Хоть на работу мне вставать рано.
Но раз скребутся на душе кошки,
То надо кошек покормить.
И превращается в стихи проза,
У моей осени в глазах слезы.
Не плачь, хорошая, уже поздно,
С тобою вместе будем жить.

Пройдем по старенькой моей даче,
Она так много для меня значит —
Кусочек солнца, принадлежащий,
Отныне нам с тобой одним.
Вот так всю жизнь — кусочки да крошки,
А знаешь, многое уже в прошлом.
Но лучше будем петь о хорошем,
И жадно пить сырые дни.

Валерий Курас. Осенняя

Одиночество. Отчуждение от жизни, по сути, спасительное для души лирического героя-мужчины, его ценностные иллюзии, душевная ранимость, неверно выстроенные жизненные позиции делают его тотально одиноким. И прежде всего это одиночество проявляется в отношении лирического героя ко всем окружающим — перестающим различаться деструктивным «ты» и «они». В случаях такого рода лирический герой может даже утрачивать способность к любви, его диалог с другими окончательно прерывается, и он остается наедине с самим собой. Ср.:

Я хочу любить, разве это так сложно —
Видеть вместо масок доверчивость лиц...
И тогда, наверное, станет возможно
Научиться жить у деревьев и птиц.

Сергей Трофимов. Я уже устал

Одиночество лирического героя отчетливо проявляется и в отношениях с женщиной, которые либо просто не складываются, либо разлаживаются по вине самого лирического героя. То и другое он понимает, верно оценивает, заглядывая в самые глубины своей души, считает причины такого разлада важным и для себя, и для женщины и поэтому заявляет о них в песне. В подобные признания можно увидеть попытки извинения или самооправдания, но на самом деле они составляют своеобразные психоаналитические «проговаривания» лирического героя, позволяющие ему хоть как-то облегчить душу. Ср.:

Вырвать лист, да все никак не получается
С альбома хитро улыбаются
Твои зеленые глаза.
Хочется себя спасти от одиночества,
Набрать твой номер очень хочется,
Да только нечего сказать.

Дм. Хмелев. Снег

* * *

Я один — и шум дождя...
За моим окном две птицы.

<...>

В моем сердце пустота,
Образ твой порою снится,
Оторвавшись от земли,
Ты кричала мне: Лети
В облаках с тобой укрыться...

Е. Росс. Шум дождя

* * *

И я хотел бы подарить тебе счастье,
То, которое никто не оспорит.
Только сердце часто рвется на части,
Так как, видимо, я создан для горя.

Александр Розенбаум. Ау

Важно отметить, что эта идея одиночества в «мужском» шансоне весьма часто представляется на основе концептуальной температурной метафорической оппозиции — собственно, ее отрицательного члена, актуализирующегося посредством таких концептов, как «холод», «зима», «снег», «пурга», «ветер северный», и прагматически заряженных «осень (поздняя)», «слякоть», «тайга» и др. Ср.:

И тают дни короткие на холоде,
Как счастье, что судьба дала займы.

Дм. Даль. Так начинается зима

* * *

Белый снег за окном и на сердце не тает,
На холодном стекле и опалой листве.
Полевые цветы беспокойного мая,
Словно призрак разлуки, являются мне.

Евгений Росс. Белый снег за окном

* * *

А снег идет, ложится на дорогу
И в белизне ночная пустота
Ведь в нашей жизни все не слава Богу,
И лишь мечту спасает красота.

Валерий Курас. Забыть нельзя

* * *

Ночью нечаянно пройдет снег.
И отпечатается твой след.
Я просыпаюсь, а тебя нет —
Так начинается зима.
Ни объяснений, ни причин нет.
Нет других женщин и мужчин нет.
Первый по городу летит снег,
И начинается зима.

Дмитрий Даль. Так начинается зима

* * *

Снегом все замело,
И закружило судьбу.
Мне без тебя тяжело.
Я без тебя не могу!

Михаил Круг. Падал снег

Положительный член указанной температурной оппозиции представляется в этих условиях гораздо более ограниченно на основе таких, например, метафорических концептов, как «солнце», «весна», «костер», или прагматически расширяющихся концептов типа «камин», «глинтвейн», «шарф» и др.

Все-таки весна — это чудо от Бога,
Тайна мироздания в улыбке Творца...
Сергей Трофимов. Я уже устал

* * *

Под снежным саваном зеленая тайга,
Горит костер — еще не кончилась махорка.
Смертельно грозная студеная пурга
В лицо целует горячо. В дозоре волки.
Евгений Росс. Плачут сосны

* * *

Уж сколько песен про тебя спето,
А ты опять спешишь в мое лето.
И я укутываюсь в шарф теплый
И у камина пью глинтвейн.
Валерий Курс. Осенняя

Эти обстоятельства можно трактовать как доминирование идеи одиночества в мужском гендерном сознании, пессимизм мужчины в плане возможности позитивных отношений с женщиной и в целом в обществе. Обрисованная картина лишь отчасти смягчается характером взаимоотношений лирического героя с матерью [1, с. 79–80]. Мать занимает далеко не центральное положение в жизни лирического героя «мужского» шансона, их отношения не «симметричны» — она отдает сыну гораздо больше любви и душевного тепла, нежели он ей. Тем не менее для лирического героя это тот человек, с которым он ощущает надежную и безусловно позитивную душевную связь. Ср.:

Душа, устала моя душа,
Отстала и, чуть дыша,
Поет давно забывшую песню.
Ей хочется в сладком сне к маме,
Чтоб взял и упал с нее камень.
Но кто-то опять ножом в спину:
Не понял, забыл, продал, кинул!
Валерий Курас. Душа

* * *

Моя милая мама,
Свет твоих глаз всюду рядом со мной.
Бреду по жизни бродяга,
Ты от беды меня, любимая, укрой.
Стас Михайлов. Мама

* * *

Сколько лет прошло, а я тот же самый,
Никогда не жду от судьбы чудес.
В самый трудный час у меня есть мама,
И она глядит с любовью на меня с небес.
Р. Булгачев. Мама

* * *

Только мама, позовет: сынок родной,
Только мама до последнего с тобой,
Только мама руки хрупкие подаст,
Не обманет, не отступит, не предаст,
Только мама не предаст!
«Бутырка», Олег Симонов. Мама

Похожие отношения связывают лирического героя-мужчину в русском шансоне и с отцом, обнаруживая при этом и несколько выразительных особенностей. Прежде всего, они окрашиваются в тона некой грубоватости — по отношению к матери лирический герой такого способа общения никогда себе не позволяет. Сын обращается к отцу как к равному, как мужчина к мужчине и часто называет его снижено «батя». Кроме того, если у матери лирический герой находит любовь и поддержку, то у отца он ищет понимания и оправдания тому, как он жил, — даже если жил неправильно. Такое общение лирического героя с отцом может быть запоздалым, когда ничего в жизни уже нельзя исправить, но может приходиться и совсем поздно, после смерти отца. В этом случае лирический герой беседует с отцом так, как будто он жив. И это важный идейный штрих в портрете лирического героя-мужчины в русском шансоне: отец для него всегда жив. Ср.:

Ну здравствуй, батя, давно не виделись с тобой.
Прошли года, афган, этап, тайга...
Ну вот я дома, но совсем уже другой,
Ах, батя, ты как лунь — такой седой.
Прости меня, что не сберег себя,
Прости за все — я молод был тогда.
Ты говорил: «Сынок, все видит Бог!»
Но я не смог... И встретила тайга.

Александр Драгунов. Батя

* * *

Батя, вот и свиделись, батя,
Извини, что так поздно,
Жаль, что раньше не смог.
Батя, вот и свиделись, батя...
А в ответ только ветер:
Что же, здравствуй, сынок.

Александр Маршал. Батя

Осознание ценности любви. Личное одиночество лирического героя-мужчины в «мужском» шансоне тесно взаимодействует с другой его чертой — осознанием ценности любви, желанием любить и быть любимым. В этом плане «мужская» линия русского шансона обнаруживает несколько идейных аспектов. Прежде всего, лирический герой любит женщину и открыто признается ей в этом. Их отношения как

будто бы ничем не омрачаются, однако мужчина постоянно испытывает чувство настороженности: он понимает, что все в жизни может измениться. Это обстоятельство трактуется как некое смутное недоверие к женщине, понимание ее свободы и непостоянства. Иными словами, даже в счастливой любви мужчина остается подозрительным. Ср.:

Сколько лет с тобой мы знакомы,
Ну, казалось, что тут такого?
Только я, как прежде, волненьем глупым скован.
Ты уснешь, а я буду рядом,
Ничего мне больше не надо,
Только бы на утро тебя увидеть снова.
Самая любимая,
Самая прекрасная,
Спи спокойно ты моя, самая опасная
Словно ветер, легкая,
Бесконечно милая,
Близкая, далекая,
Самая любимая!

Валерий Курас. Самая любимая

* * *

В твою любовь мне хочется поверить,
Пускай уйдут страдания прошлых дней.
Мне сложно жить, не знаю я, что делать,
Пусть нелегко — исчезнет боль любви моей.

Валерий Курас. Забыть нельзя

* * *

Я только жив тобой, пусть тебе икается.
Каждый состав снова возвращается.
И по новой колее,
Он привезет меня к тебе.

Виталий Аксенов. Вагончик

Вместе с тем мужчина часто ценит счастье, которое дарит ему женщина, и благодарит ее за любовь. Важно отметить, однако, что это либо любовь плотская, физическая, либо совместное бытие в едином реальном пространстве — по-видимому, в жилище, — либо просто эстетическое наслаждение, которое дает общение с женщинами вообще. О духовной или душевной близости мужчины и женщины в русском шансоне практически не поется. Ср.:

Неземные, пришедшие, мы с тобой сумасшедшие,
Грешной страстью, желаньем повенчаны,
Смотришь нежно и строго, я прошу, ради Бога,
За родную, любимую женщину.

Сергей Любавин. Любовь моя

* * *

Ты мне скажи единственное слово,
Меня спаси, люби, надейся, верь...
И приезжай, хотя бы ненадолго,
Своим ключом открой входную дверь.

Валерий Курас. Забыть нельзя

* * *

Не упрекай, любимая моя,
Что восхищаюсь женщинами я.
Поверь, я опьянен одной тобой,
А не случайной женщиной, другой.

Павел Зибров. Простите, женщины

Важный аспект «любовной» портретной характеристики лирического героя-мужчины в русском шансоне составляет его идеализм в отношении женщины. Порой мужчина сам создает ее облик в своем сознании — полностью идеальный, заставляющий восхищаться ею. Реальные черты женщины в этих обстоятельствах теряют свою значимость. Все это лирический герой-мужчина хорошо понимает сам и признается в этом женщине, тем самым дополнительно украшая ее. Ср.:

Выдумать хочу тебя сегодня, выдумать,
Хочу тебя, как песню, выдумать,
Весь мир тобою заслоня.
Выдумать, чтоб самому себе завидовать,
Почти не верить и завидовать,
Что ты такая у меня.

Анатолий Днепров. Радовать

* * *

Не рассказывай ничего из прошлого —
Мы оставим его в покое.
Ты такая сейчас хорошая,
Я хочу тебя знать такую.

Сергей Трофимов. Не рассказывай

Как представляется, эта черта мужчины также обусловлена его потребностью в любви. Он хочет, чтобы женщина, которую он любит, была совершенна. И в этом желании он либо отказывает самому себе в знании правды о той, которую он любит, либо заменяет ее реальный образ идеальным.

Чувство вины и потребность в прощении. Это еще одна яркая черта лирического героя-мужчины в современном русском шансоне, проявляющаяся в его гендерном отношении к женщине. Поводов для чувства вины мужчина видит несколько. Прежде всего он допускает некие «неправильные» поступки в отношении женщины, сам понимает это и просит за них прощение. Ср.:

Не бранила, не осуждала,
Хоть со мной видала немало,
Ты меня всегда понимала с полуслова.
Оттолкнусь вешлом от причала,
Я готов начать все сначала,
Только бы под вечер тебя увидеть снова.
Валерий Курас. Самая любимая

* * *

За бесконечное терпенье,
За грусть твоих прекрасных глаз
Я у тебя прошу прощенья
В который раз, в который раз..
Олег Шак. Моя любимая жена

* * *

Простите, женщины простые и бесценные,
Простите, скромные и очень откровенные,
Простите, робкие, почти неумолимые,
За то, что у меня одна любимая!
Не упрекай, любимая моя,
Что восхищаюсь женщинами я.
Поверь, я опьянен одной тобой,
А не случайной женщиной, другой.
Павел Зибров. Простите, женщины

В текстах «мужского» шансона редко поднимается тема женской вины в отношении мужчины. В случаях такого рода лирический герой

демонстрирует некую «неустойчивую непреклонность»: с одной стороны, он не может простить женщину («звезда любви сгорает надо мной...»), а с другой — любит ее, не может без нее жить и мечтает о ее возвращении. Ср.:

Забить нельзя, вернуться невозможно,
Звезда любви сгорает надо мной —
Звезда любви над грешной суетой,
Когда забить нельзя, вернуться невозможно.
Валерий Курас. Забить нельзя

***

Не опьяняй напрасною мечтою,
Не говори красивые слова...
Ты — солнце, что исчезнет за горою
И не оставит лучика тепла...
Роман Руденко. А любовь осенняя

Тексты и контексты «мужского» шансона позволяют говорить и о более конкретных основаниях вины лирического героя-мужчины. Прежде всего, это его неспособность осознать, что счастье было у него в руках, и неумение сберечь его. Это также могут быть измены лирического героя, увлеченности другими женщинами. Однако в ряду многих для него всегда остается одна, «та самая», женщина, которую он любит больше всех других и к которой обращается в трудные минуты жизни. В этих обстоятельствах мужчина может высказывать сожаление о том, что потерял любимую, порой запоздалое, не ведущее к восстановлению отношений. Ср.:

Уходят сны и мысли в тень осенних ливней,
Твоих шагов исчезла призрачная нить,
Не уберег любовь, а сердце все не хочет тебя забыть.
Евгений Охочинский. История моей любви

***

Не поверил я своей судьбе,
Не заметил солнца на рассвете.
Знаешь, за любовь твою теперь.
Тебе отдал бы я все на свете.
А. Пряжников. Знаешь

* * *

А по жизни всяко случается,
Все идет, а вдруг засбоит.
Оттого душа тихо мается,
Оттого сердечко болит.
Дождь пойдет, и небо нахмурится,
И черемуха опадет,
А у нас с тобой все получится,
И душа опять запоет.

Игорь Слуцкий. Только ты одна

При всем этом лирический герой-мужчина сохраняет в глубине души чувство оптимизма и веру в любимую женщину, в ее поддерживающую любовь. Этот оптимизм он испытывает даже в моменты ссоры и расставания, верит в прощение женщины. Ср.:

Плачет ли дождь, или снег над землею кружится,
Знаю, ты ждешь, где-то там, где все вновь повторится,
Я доласкаю, тебя долюблю, дострадаю,
Я без тебя умираю, свечою стораю!

Евгений Росс. Шум дождя

* * *

Я теперь ухожу от порога любимой,
Машет ветками вслед мне задумчивый сад:
Я вдали видел свет, этот свет негасимый,
Он дает мне надежду вернуться назад.

Евгений Росс. Белый снег за окном

Философский подход лирического героя-мужчины к жизни, стремление дойти до самых основ в постижении ее важнейших сторон, в том числе любви и чувства вины, проявляется также в такой содержательной линии русского шансона, как взаимная утрата любви мужчиной и женщиной. Это беда двоих. Но говорит об этой беде, вскрывает ее место в жизни все-таки лирический герой-мужчина. Он приходит к выводу о том, что во взаимном охлаждении мужчины и женщины друг к другу, в утрате ими любви часто нет ничьей вины. «Так случается», что один любит другого меньше, или оба слишком дорожат своей свободой, из-за чего любовь умирает. Ср.:

Так бывает: медленно ушльвывает
Нежность, еще живая,
Нехотя убивая.
Так бывает: кто-то в любовь играет,
Кто-то себя теряет,
Даже о том не зная.
Валерий Курса. Так бывает

* * *

Ночью нечаянно пройдет снег,
И отпечатается твой след.
Я просыпаюсь, а тебя нет —
Так начинается зима.
Ни объяснений, ни причин нет,
Нет других женщин и мужчин нет.
Первый по городу летит снег,
И начинается зима.

<...>

И что-то незаметно в мире сдвинулось,
При этом оставаясь на местах.
Мы так свою ценили независимость,
А тут за ней открылась пустота.
Дмитрий Даль. Так начинается зима

Из всего этого вытекает еще один важный вывод. По мнению лирического героя-мужчины в русском шансоне, любовь — это в значительной мере отсутствие свободы. Любить другого — значит быть несвободным. Но возникающая в этом случае зависимость мужчины от женщины осмысливается им как великий дар и большое счастье. Лирический герой-мужчина считает, что, теряя любовь, мужчина обесценивает собственную жизнь.

Ценит дружбу. Если любовь в сознании лирического героя-мужчины составляет безусловную, но зыбкую ценность, постоянно готовую ускользнуть из рук, то дружба оказывается для него также чрезвычайно важным, но гораздо более надежным чувством. При этом и сам лирический герой рефлексировал в дружбе значительно меньше, чем в любви. Единственное, что он себе позволяет, — это попытки общего понимания сущности дружбы и признания в «другом» близкого

и верного «ты». При этом основными признаками дружбы определяются безусловная поддержка «другого», готовность всегда быть рядом, полный отказ от себя во имя его, способность разделить не только горе, но и радость. Ср.:

Правду люди говорят: не прожить без денег.
Заработаешь хоть как, если не бездельник,
Только не развешивай парашютом уши.
Деньги — это хорошо, ну а дружба лучше!
Михаил Шуфутинский. Дружба

* * *

Уж будет за полночь, я позвоню тебе,
Когда захочется поговорить.
В какой-то радости и не дай бог в беде
Я так привык уже сюда звонить.
Когда не сходятся у жизни линии,
Мы остро чувствуем, что не одни.
Хоть из Челябинска, хоть из Сардинии
Я появлюсь к тебе, ты позвони.
Дружба — это круглосуточно,
Хоть пожар, хоть урожай...
Это чувство нерассудочно,
Собирайся — приезжай.
Олег Митяев. Дружба — это круглосуточно

* * *

Знаю, знаю: ты не продашь и не обманешь.
Знаю, знаю: жесток у жизни круг.
Знаю, знаю: ты никогда другим не станешь,
Знаю: ты настоящий друг.
Евгений Росс. Настоящий друг

* * *

Друг не тот, кто в застолье крут,
И когда за здоровье пьют
Друг не станет тебе кричать — «Пей до дна».
Друг почувствует, что тебе
Стало холодно на земле
И согреет своим теплом без вина.
Игорь Крутой. Мой друг

Итак, в плане субъективной, исповедальной позиции мужчины в современном русском шансоне его «автопортрет» обнаруживает ряд характерных гендерных черт. В самом общем плане мужчина раскрывает себя как философ, пытающийся осмыслить самые важные стороны бытия. К числу частных установок его философии относится прежде всего утверждение проблемности и несостоятельности жизни. Мужчина видит в ней проявление некой стихийной силы и признает свою зависимость от нее. Эта зависимость проявляется также в таких его чертах, как тонкость душевной организации, ранимость, экзистенциальное одиночество, ценностные иллюзии. Вместе с тем мужчина не снимает и с себя ответственности за жизненные неудачи, старается сохранять жизненный оптимизм.

К числу основных ценностей мужчины в русском «мужском» шансоне относится любовь к женщине. Это чувство, окрашенное большей частью в эротические тона, собственно, и наполняет его жизнь смыслом. Однако в этих условиях мужчина часто оказывается идеалистом — создает в своем сознании идеальный женский образ, чтобы украсить собственную любовь. Этот идеализм, выделение в любви эротической сферы, а также непостоянство женщин предопределяют, по мнению мужчины, частый разлад любовных отношений, от которых особенно страдает.

С чувством любви в психологическом портрете мужчины русского шансона тесно связаны еще две характеристики. Во-первых, это ощущение вины перед женщиной за самые разные проступки — реальные и даже возможные, — прежде всего за неспособность оценить то счастье, которое дает ему женщина, и за измены. Свою вину мужчина признает, болезненно переживает, но и исправить свою жизнь он не хочет или не может. Основания для вины всегда имеются. Во-вторых, в психологическом портрете мужчины заметным является желание попросить у женщины прощения. Мужчина делает это открыто и искренне, так же открыто надеясь на снисходительность женщины. Однако сам он едва ли готов простить ее, хоть и страдает от этого: его любовь для него важнее женской вины.

Любит мужчина и своих родных — прежде всего мать и отца. Именно эту любовь он осмысляет как надежную и постоянную, она составляет незыблемую опору его жизни.

Объектная позиция, при которой мужчина раскрывает себя как «другого», представлена в русском шансоне гораздо более ограничено. Тем не менее основные черты мужчины, обрисованные в его «лирической» разновидности, здесь также просматриваются. Вместе с тем в этих обстоятельствах наблюдается перераспределение мужских характеристик и их дополнение.

Так, наиболее отчетливо в этой линии «мужского» шансона показывается одиночество мужчины. В этих условиях поющий мужчина выступает одновременно в роли психоаналитика и философа, объясняющего собственную душу и жизнь. Он одинок и в этом одиночестве сознательно отчуждается от «других». Ср.:

Он уедет на машине далеко от города
На прозрачные озера или в тихий лес.
Одинокому мужчине и не надо многого —
Лишь бы в душу лишний раз к нему никто не лез.

Дмитрий Даль. Одинокий мужчина

Однако такая позиция позволяет мужчине сделать новые открытия в жизни и ее психологической сфере. С одной стороны, неудачность его жизни имеет свои истоки в его собственном сознании: это все та же ранимость и непрощенные «пустые обиды», составившие в целом значительный проблемный «узел». С другой — это завышенные требования мужчины к себе, все та же вина, которую он не может простить даже себе самому. Ср.:

Почему так получилось — и ответить нечего,
Вроде было поначалу все как у людей,
Из обид пустых сложилась по всей жизни трещина,
Из каких-то несерьезных, мелочных вещей.
И вроде просто быть счастливым, да не получается,
Развинтилось что куда — и в кучу не собрать.
Одинокому мужчине многое прощается,
Если только сам себя научится прощать.

Дмитрий Даль. Одинокий мужчина

Остро переживая свое одиночество, мужчина открывает для себя еще одну важную житейскую истину: человек страдает не от отсутствия рядом подходящего «другого» — это еще поправимо. Больше всего человек переживает у т р а т у в е р ы в то, что этот «другой» может найтись, что в его жизни вообще что-то может измениться к лучшему. Ср.:

Было время — напивался, а теперь не хочется,
Да и не топится в стакане, что больней всего.
Видно, люди волком воют не от одиночества,
А от мысли, что не будет больше ничего.

Дмитрий Даль. Одинокий мужчина

Внешний вид: неопрятность. Что касается дополнительных портретных черт мужчины в «объективной» линии русского «мужского» шансона, то это прежде всего его внешний вид. В частности, мужчина показывается неопрятным, неухоженным, и эта черта мыслится как следствие и примета его одиночества. В связи с неопрятностью такой мужчина называется снижено — «мужичок». Ср.:

Одинокий мужичок за пятьдесят, неухоженный.

На тебя глаза недобрые косят все прохожие.

<...>

А вокруг снует народ, он тебя не узнает, не касается.

Жизнь тихонечко идет да легонечко грызет, да не кусается.

Дмитрий Василевский. Одинокий мужичок

Однако неопрятный внешний вид такого мужчины не передает всей полноты картины. Душа его по-прежнему молода — об этом ему и всем окружающим напоминает автор-исполнитель песни, тем самым вступая с мужчиной в сокровенный мужской диалог. Мужчина в шансоне оказывается в подобных случаях не таким уж и одиноким. У него обнаруживается тот, кто его понимает и поддерживает — философствующий автор-исполнитель. Ср.:

И ты не думай о том, что весна твоя вдаль улетела.

Не сумел, не сберег, не скопил ты на старость гроша.

Стареет тело, стареет только тело,

И никогда, слышишь ты, никогда не стареет душа.

Дмитрий Василевский. Одинокий мужичок

Внешний вид: brutality. Внешний вид мужчины проявляется и в ином аспекте, подчеркивающим его гендерную принадлежность. В частности, его идеальный образ включает такие черты, как твердость характера, физическая сила, но главное — неумный эротизм, постоянная готовность «сходить налево». Этот эротизм эвфемистически называется «чудачеством» и предполагает естественное прощение со стороны всех окружающих. В целом все эти черты определяют использование по отношению к их носителю экспрессивной просторечной номинации «мужик». Ср.:

У мужика, у мужика

Должны быть твердый взгляд и очень крепкая рука.

А если он чудит слега,

Ну, что тут сделаешь, простите мужика.

Валерий Курас. У мужика

Главный атрибут мужчины — деньги. Весьма желательным, а по сути и обязательным атрибутом мужчины видятся деньги. Но они украшают мужчину не сами по себе. На самом деле имеется в виду щедрость мужчины, его готовность дарить подарки всем любимым женщинам, быть щедрым по отношению к друзьям и знакомым. Все эти черты — наличие денег и готовность с ними легко расставаться — обеспечивают «мужику» понимание со стороны окружающих. Ср.:

Ведь мужика, ведь мужика
Прекрасно дополняет вид тугого кошелька.

<...>

У мужика, у мужика
Должно всегда всего на всех хватать наверняка.
А если он чудит слегка,
Ну, что тут сделаешь, поймите мужика,
Поймите мужика.

Валерий Курас. У мужика

Подобные философствования автора могут иметь ироничный характер, но под этим просматривается правда жизни. Действительно, очень часто *понять* — значит *простить*. Понимание и прощение оказываются близкими в сознании человека. И за щедрость мужчине многое прощается.

Безответственность. Рассмотрение мужчины как внешнего объекта позволило выделить в его портрете еще одну черту — стремление в серьезных жизненных ситуациях уходить от ответственности. Эта характеристика едва ли возможно в «лирической» линии «мужского» шансона: трудно представить себе, что лирический герой-мужчина исповедально вскрывает собственные пороки. А если он и делает это, то предельно обобщенно, «сохраняя лицо» (как, например, он говорит о своем чувстве вины перед женщиной или о поломанной жизни). Когда же мужчина рассматривается в объектной позиции, как некий неопределенный «он», его характеристики напрямую не соотносятся с характеристиками автора-исполнителя, появляется возможность оценивать не только достоинства этого «постороннего», его жизненные проблемы, но и слабые психологические или нравственные стороны.

К числу таковых относится, в частности, безответственность, которая оценивается в «мужском» русском шансоне прежде всего в сексу-

альных связях мужчины с женщинами. Мужчина заранее готов к кратковременным, мимолетным любовным отношениям — даже если у него есть семья. Еще более его интригуют кратковременные, ни к чему не обязывающие любовные связи с молодыми малоопытными девушками. С одной стороны, мужчина не упустит такой возможности, с другой — будет по-прежнему жить в семье и оставаться «хорошим» мужем и отцом. Эта связь для мужчины ничего не будет значить, и он ни за что не возьмет на себя ответственность за ее последствия. Ср.:

Он намного старше, у него семья
Да, его слегка заводит молодость твоя.
Но он проблем не хочет, ну поломал цветочек —
Сколько завтра новых подрастет.
Валерий Курас. Он проблем не хочет

Итак, мужчина показывает себя и подобного себе в гендерном отношении «другого» в современном русском шансоне разносторонне, порой доходя даже до противоречий. Один их рубеж лежит между «исповедальным» шансоном, в котором вскрывается «я» лирического героя-мужчины, и шансоном «объективным», в котором мужчина составляет объект философского осмысления мира. В первом случае лирический герой относится к себе гораздо более доброжелательно, во втором автор-исполнитель готов отмечать и прямые гендерные недостатки мужчин. Другие рубежи задаются спецификой общих направлений русского шансона. Так, для «блатной» его ветви характерна тюремная тематика, которая не характерна для «средней» зоны. Для авторов, в настоящее время живущих за рубежом, естественна тема Родины (Евгений Росс «Ностальгия», «Березы России»), не очень типичная для авторов, живущих и пишущих в России. Тема одиночества в «блатном» шансоне ориентирована на мотив тюремного заключения и на концепт «изолированности» от мира (Михаил Круг «Владимирский централ»), в то время как в шансоне «средней» зоны одиночество — философская категория. И в целом воссозданные автопортрет и портрет мужчины в современном русском шансоне ориентированы на социальную действительность и предполагают высокий уровень доверия к ним.

Список литературы

1. Берестнев Г.И. Женщина глазами мужчины в современном русском шансоне // Вестник Балтийского федерального университета имени И. Канта. 2013. Вып. 8. С. 78 — 84.

2. Берестнев Г.И., Евстафьева М.А. Женщина глазами женщины в современном русском шансоне // Слово.ру: Балтийский акцент. 2013. №3. С. 59–74.

Gennady Berestnev, Marina Evstafyeva

A MAN AS SEEN BY A MAN IN MODERN RUSSIAN CHANSON

This article presents a gender portrait of a man as seen in modern “male” Russian chanson. Two types of such portrait are identified: the lyrical one that is reconstructed on the basis of the songwriter’s self-expression and the objective one that develops when the songwriter looks at a man as another. In these circumstances, a man appears as a philosopher striving to comprehend life and his place in it.

Key words: *Russian chanson, gender, concept, language reconstruction, semantics, text, cultural linguistics.*

**АСПЕКТЫ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО
ТЕКСТА**

Житие утверждает, что подвиг юродства есть один из способов спасения мира. Это доказывают не сами по себе поступки юродивого, которые без духовного смысла были бы действительно агрессией, а результаты этих поступков, которые, собственно, и открывают их духовные, невидимые причины.

А. Дорофеева

Анализ поэмы А. Вельмана дает все основания утверждать, что в ней сохраняется призма, установленная Пушкиным: разбойничество (даже как противодействие человека социальному злу и несправедливости) показывается как страшный грех, оправдания которому не существует, оно обрекает человека на отступление от нравственного закона и в итоге приводит к духовной гибели.

Н. Жилина